

Глава 13. Большие жуки едят людей

— Большой жук? Какой ещё большой жук... Ты что, встретил его? — Таотэ невольно затрепетал от беспокойства.

Он поспешно опустил взгляд, пытаясь рассмотреть маленького человечка, который, вцепившись в его нос, заливался горькими слезами. Таотэ отчаянно хотелось понять, не ранен ли малыш, но тот был настолько крохотным, что бедный великан скосил глаза к переносице, а разглядеть удалось лишь макушку с мягкими чёрными волосами.

— Ты ранен? — так ничего и не разглядев, Таотэ не на шутку разволновался и невольно повысил голос. — Ну-ка отпусти! Дай мне посмотреть!

Якоб никогда не слышал, чтобы Таотэ говорил так сурово. Испугавшись, он тут же разжал крошечные пальцы. Таотэ наконец смог нормально вдохнуть, после чего бережно подхватил малыша двумя пальцами и принялся осторожно поворачивать его так и этак, осматривая со всех сторон.

— Ну же, скажи хоть слово, — торопил его Таотэ. — Где болит? Если будешь молчать, как я узнаю?

Якоб судорожно вздохнул, силясь сдержать рыдания, но в следующее мгновение захлебнулся новым плачем:

— Уа-а-а!..

На этот раз кроха зарыдал так безутешно, словно его мир окончательно рухнул. Он обеими ручонками вцепился в собственный воротник и, запрокинув заплаканное личико, громко взвыл прямо перед лицом Таотэ.

В любое другое время Таотэ, возможно, поддразнил бы его, сравнив с вечно голодным птенцом, который широко разевает клюв в ожидании корма. Но сейчас ему было не до шуток — всё его внимание было поглощено только Якобом.

— Ну не плачь... Где болит? Скажи мне, не молчи... — Таотэ совершенно растерялся, не зная, что предпринять.

Видя, как малыш содрогается от рыданий, задыхаясь от собственных слёз, он почувствовал, как болезненно сжалось сердце.

— Т-Таотэ... — сквозь горькие слёзы и частую икоту выдавил Якоб. — Он всё не возвращался... А там... там жуки... Большие жуки... Они придут... и съедят... У-у-у...

Лишь спустя некоторое время, терпеливо вслушиваясь в прерывистый, невнятный лепет, Таотэ наконец догадался, в чём дело. Кроха просто до смерти перепугался!

И виной тому был он сам. Ведь это он перед уходом наговорил малышу, будто в доме водятся огромные жуки, которые едят людей и могут утащить его с собой. Когда стемнело и комнату затопил непроглядный мрак, запёртый в стакане Якоб уловил какой-то шорох. Решив, что за ним пришёл страшный монстр, он поддался панике.

Этот ужас оказался слишком силён для крохотного существа. Таотэ с трудом мог представить, как бедный малыш долгие часы дрожал от страха под одеялом в крошечной тьме.

А ведь когда Таотэ вошёл, Якоб лежал на полу прямо у двери. Неизвестно, как этот кроха сумел спуститься с высокой кровати, но запёртый в пустой комнате, изнывая от страха, он всё равно упрямо полз к двери — поближе к выходу, надеясь встретить своего спасителя...

Теперь у Якоба не было тёплого носа Таотэ, за который можно было ухватиться. Сжав крошечные кулачки, он изо всех сил вцепился в полы своей рубашки, комкая ткань, и жалобно вздрагивал при каждом всхлипе.

Видя эту картину, смягчился бы даже самый чёрствый человек. Сердце Таотэ наполнилось щемящей виной.

— Нет здесь никаких больших жуков, — как можно мягче произнёс он, пытаясь успокоить испуганного малыша. — Я просто пошутил, чтобы припугнуть тебя. Здесь нет чудовищ, которые едят людей.

Он долго и терпеливо баюкал Якоба на ладони, ласково нашептывая утешения, пока тот наконец не затих, лишь изредка судорожно вздыхая. Кроха сидел на его ладони, всё ещё сжимая пальцами мокрую ткань одежды и смешно икая — последствия слишком сильного плача. С припухшими веками и покрасневшими глазами он стал похож на испуганного маленького зайчонка.

— Ну всё, тише, не плачь. Я принёс тебе много вкусного, сейчас приготовлю что-нибудь особенное, — нежно проговорил Таотэ.

— Ик... Обманул? — Якоб перестал плакать, но его взгляд, полный непролитых слёз, оставался прикованным к лицу великана.

— Ну... прости меня. Я просто боялся, что ты упадёшь с кровати или потеряешься, вот и решил предостеречь. Я ведь из лучших побуждений, — неловко оправдывался Таотэ, чувствуя невероятное давление под этим пристальным, влажным и обиженным взглядом.

— Значит... обманул? — Якоб то и дело вздрагивал, издавая тихий икающий звук.

В его глазах снова задрожали крупные слезинки, готовые вот-вот покатиться по щекам.

— Да, — выдохнул Таотэ, понимая, что оправдываться дальше бессмысленно.

Якоб приоткрыл рот, словно не ожидая такого предательства. Он обиженно насупился и демонстративно отвернулся, уставившись на стоящий на столе стакан и больше не достаивая Таотэ даже взглядом.

— Прости меня, я действительно виноват. Пожалуйста, не сердись, — примирительно попросил Таотэ.

Ему казалось, что он превратился в молодого отца, безуспешно пытающегося задобрить капризного ребёнка. Хотя, если не брать в расчёт размеры, черты лица этого маленького человечка были вполне взрослыми и утончёнными, сейчас он вёл себя как совершенно незащищенное и ранимое дитя.

Таотэ замер, бережно поглаживая кончиком пальца мягкие чёрные волосы на затылке малыша и ожидая его реакции — обрушится ли на него поток жалоб, или кроха просто уйдёт в себя, а может, снова разразится безутешными слезами.

Однако, когда Якоб наконец заговорил, в его голосе не было злости. Он произнёс тихо, почти шёпотом:

— Я... я просто очень ждал тебя.

— Знаю, прости, что задержался. По дороге возникли непредвиденные дела, иначе я вернулся бы гораздо раньше, — искренне ответил Таотэ.

— В комнате стало совсем тихо. Свет сначала угасал, а потом и вовсе пропал. Стало так темно, что я ничего не видел...

— Мне жаль.

— А потом за дверью послышался шорох. Я подумал, что это ты, но никто не вошёл. Вокруг было темно, я ничего не видел и продолжал ждать... Но потом вспомнил про больших жуков. Ты ведь сказал, что они съедят меня... — При воспоминании о пережитом ужасе у Якоба снова защемило в носу, а голос стал глухим и жалобным.

Таотэ затаил дыхание, боясь, что малыш снова зальётся слезами.

— В моём племени рассказывали, что в большом мире живут великаны. Они огромные, сильные и очень грозные. Но даже они боятся ночных чудовищ и никогда не выходят в темноте наружу,

потому что их могут съесть огромные жуки... — Якоб говорил очень тихо, его голос заметно осип после недавнего плача. — Настала ночь, а тебя всё не было.

Малыш шевельнулся, выпуская из рук помятый подол рубашки, и плотно обхватил руками свои колени, сжимаясь в крошечный живой комочек — точно такой же, каким Таотэ нашёл его у двери.

— Я подумал... подумал, что тебя съели эти чудовища. Я не мог выбраться, не знал, что происходит снаружи и где ты... В комнате тоже могли быть жуки. Мне было очень страшно спускаться на пол, но я всё равно пошёл... пошёл искать тебя...

— Якоб... — у Таотэ перехватило дыхание от нахлынувших чувств.

Оказывается, этот отчаянный плач был вызван не просто страхом перед темнотой или жуками. Малыш до смерти боялся за него. Он искренне верил, что с Таотэ случилась беда.

— А ты... ты обманул меня... Обманул... У-у-у... — Якоб снова тихонько зашмыгал носом, утыкаясь лицом в колени.

На этот раз его плач не был бурной вспышкой обиды или страха. Он плакал тихо, беззвучно содрогаясь всем телом, свернувшись на ладони великана маленьким беспомощным комочком.

Таотэ хотел сказать что-то важное, но нужные слова никак не шли на ум. Он неловко протянул руку, желая погладить малыша, но замер на полпути, так и не решившись коснуться его.

Пока Якоб тихо всхлипывал, перед глазами Таотэ стояла одна и та же картина: этот крошечный человечек, преодолевая сковывающий ужас, один в кромешной тьме сползает с огромной кровати, пробирается по опасному полу и пытается открыть неподъёмную, словно скала, дверь, готовый встретить любых чудовищ ради того, чтобы спасти своего единственного друга...

В этот момент Таотэ впервые по-настоящему осознал простую истину. Перешагнув порог этого дома, он мог мгновенно погрузиться в водоворот собственной жизни, забыв обо всём на свете. Но для этого крохотного существа всё было иначе. Якоб вынужден скрываться от чужих глаз, покорно следовать правилам и прятаться в четырёх стенах. В этом огромном, пугающем и абсолютно чужом мире у него не было никого, кроме Таотэ.

Таотэ был его единственной опорой, его защитой. Его вселенной.

— Ты обманул меня... — донеслось тихое ворчание сквозь всхлипы.

Якоб плакал уже довольно долго. Не дождавшись ответа, он осторожно повернул голову и искоса, из-за плеча, посмотрел на великана. Встретившись с ним взглядом, малыш тут же

поспешно отвернулся обратно.

— Прости меня, — негромко, но предельно серьёзно произнёс Таотэ.

Впервые в жизни он говорил с кем-то с такой искренней ответственностью.

Якоб промолчал, продолжая сидеть спиной к нему и обнимать колени.

— Обещаю, больше такого не повторится. Отныне, куда бы я ни шёл, я всегда буду брать тебя с собой, — твёрдо добавил Таотэ. — Тебе больше не придётся оставаться одному.

Якоб резко обернулся, его заплаканные глаза широко распахнулись:

— Правда?

— Правда, — в голосе Таотэ не было ни капли прежней беспечности, только абсолютная решимость.

— Не обманываешь? — Якоб недоверчиво насупился, забавно выпятив нижнюю губу.

— Не обманываю.

Малыш шумно шмыгнул носом, его покрасневшие глазки уставились на великана, словно пытаясь разглядеть в его лице малейшие признаки лжи. Наконец он медленно развернулся всем телом.

— Точно не обманываешь? — словно ища окончательного подтверждения, тихо повторил он.

Таотэ, бережно поддерживая его на ладони, так же серьёзно ответил:

— Точно не обманываю.

Якоб шмыгнул носом ещё раз и робко кивнул. Затем он протянул свою крошечную ручку и аккуратно прижал ладошку к пальцу великана. Этот жест походил на молчаливую клятву верности и примирения — знак того, что обида забыта и прощена.

Когда мир в их маленьком союзе наконец восстановился, Таотэ внимательно оглядел своего подопечного и невольно поморщился.

Малыш выглядел невероятно жалко. Вся его новенькая одежда, которую Таотэ с таким трудом

смастерил накануне, превратилась в серо-бурое нечто. Пока Якоб блуждал в темноте по полу, он собрал на себя всю пыль и грязь, которая теперь смешалась со слезами, оставив на личике и теле тёмные разводы. От прежнего опрятного вида не осталось и следа.

Таотэ хотел было досадно вздохнуть, но вовремя сдержался. В конце концов, малыш испачкался только потому, что изо всех сил пытался найти его. Вся мимолётная досада тут же сменилась тёплым чувством нежности.

— Посиди пока здесь, — мягко произнёс Таотэ, аккуратно усаживая Якоба на чистый край стола. — Я пойду согрею воды. Тебе нужно хорошенько отмыться, ходить в такой грязной одежде очень вредно.

Оставив притихшего Якоба на столе, Таотэ поспешил на кухню разводить огонь.

Когда шаги великана затихли, Якоб медленно поднялся на ноги. Он бережно расправил помятые края своей крошечной рубашки, пытаясь стряхнуть налипшую пыль, а затем опустил голову, погрузившись в свои тихие, ведомые лишь ему одному мысли.

<http://bllate.org/book/20392/2134968>